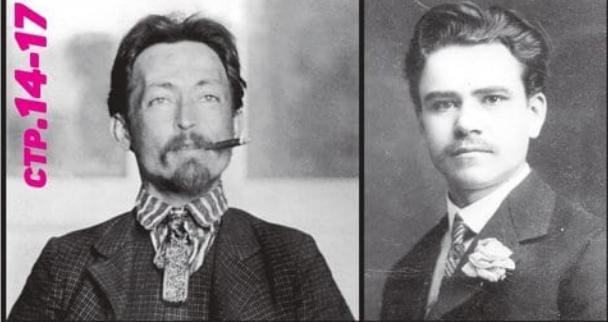

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр.14-17

ТАЙНЫ РЫЦАРЕЙ ПЛАЩА И КИНЖАЛА

ВМЕСТО «ОДИН ДОМА»
И «ИРОНИИ СУДЬБЫ»

стр.9

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

Бульварные новости

№51 (132)
ДЕКАБРЬ 2022

стр.10-11

ДЖЕЙН ФОНДА: АКТРИСА, БУНТАРКА И ГУРУ АЭРОБИКИ

НЕОБЫЧНЫЕ
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
ТРАДИЦИИ РАЗНЫХ СТРАН

стр.5

ТАЙНЫ РЫЦАРЕЙ ПЛАЩА И КИНЖАЛА

ДЗЕРЖИНСКИЙ

Геннадий Норд

«Человек с корректными манерами и спокойной речью, но без тени юмора в характере. Самое замечательное - это его глаза. Глубоко посаженные, они горели упорным огнем фанатизма. Он никогда не моргал. Его веки казались парализованными. Он провел большую часть своей жизни в Сибири, и лицо его носило следы изгнания»

Это описание Феликса Дзержинского, главы ВЧК, Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, взятое из мемуаров Роберта Брюса Локкарта, неофициального дипломатического представителя Великобритании в большевистской России, а по совместительству резидента SIS.

Феликс Дзержинский, также известный как «Железный Феликс», создатель первой спецслужбы большевистского режима - это человек, в жизни которого было много загадок. Одна из них связана с его неожиданной поездкой... и с именем Локкарта.

...Поздняя осень 1918 года. Ранен Ленин, по стране гудят «красный террор», вот-вот Сибирь окажется под Колчаком, идут бои с белыми на юге...

Что в этот момент делает основатель ВЧК? Что он должен делать? Всё никогда не догадается.

Феликс Дзержинский едет... отдохнуть за границу. В Швейцарию, если точнее. А сама идея родилась у Якова Свердлова, председателя ВЦИК, то есть формального главы советского государства, вроде президента.

Жена Феликса Дзержинского Софья оставила мемуары под названием «В годы великих боев» 1964 года издания, странные по стилю - смесь протокола профсоюзного собрания с врапплениями историй в духе «Легенд о Феликсе». Иногда, правда, о «Юзефе» - она мужа времи от времени называет партийной кличкой. И там она пишет:

«Свердлов, заявил своей супруге: «Вид у него аристократичный, на квартире у себя почти не бывает, почти круглые сутки на работе».

Они зашли к Дзержинскому на Лубянку, убедились, что тот спит прямо на рабочем месте и урывками, а на столе у него лишь

Феликс Дзержинский, 1912 г.

стакан чаю какого-то мутно-серого цвета и небольшой кусочек черного хлеба.

Свердлов сказал: «Плохо живет Феликс, скрипит. Не спит по-человечески, пытается отвратительно. Нельзя так делать. Без семьи ему нельзя, пропадет».

И вроде даже выздоравливающий Ленин одобрил: мол, поезжайте, батенька, всенепременно поезжайте.

И вот поехал Феликс Эдмундович воссоединяться с семьей, несмотря на граждансскую войну и очень горячее время. Семья же его находилась в Швейцарии. Упомянутая уже супруга Софья Мушкат и сын.

Жену «рыцарь революции» не видел с 1909 года. Она тоже была профессиональной революционеркой, как и он сам, и ее в тот год беременную арестовали в Варшаве. Когда же Софья Сигизмундовнабежала из ссылки и перешла границу Российской империи в 1912 году, то узнала, что незадолго до этого был арестован ее супруг. Освободить его только революция.

То есть сына своего Феликс Дзержинский к тому времени вообще еще не видел ни разу!

В 1918 году Софья Мушкат работала в полуофициальном советском представительстве в Швейцарии. Правительство Швейцарии большевиков не признавало, но и дипломатическую миссию не выгоняло.

Казалось бы, хочешь увидеть жену и сына - выпиши их в Москву из-за кордона и смотри, сколько хочешь. В чем проблема? Тем более, что через год так и будет сделано. Но на этот раз обязательно ехать самому.

Феликс Дзержинский тщательно маскируется - бреет бороду! Жена пишет - и усы бреет. Но на фотографии видно, усы он не брил. И обзаводится поддельными документами на имя Феликс Доманский. Прекрасная придумка, никто точно не догадается.

Путь его в Швейцарию лежит через Германию, где через несколько недель вспыхнет революция. В сопровождении странного человека Варлама Аванесова, который на самом деле, вроде бы, Сурен Мартirosyan. Аванесов - выходец из дашнакских боевиков, использовал и другие имена и фамилии. Он побывал и меньшевиком, и большевиком, в следу-

ющем 1919 году окажется членом коллегии ВЧК, заместителем начальника Особого отдела. Так вот, он тоже, вероятно, решил отдохнуть в Европе.

И Дзержинский достигает-таки Швейцарии, дома своей супруги в Берне, где у него как сигнал насыщивает мелодию из оперы «Фауст». Был такой условный знак у подпольщиков - значит, все спокойно.

Однако очутит он, кстати, в гостинице, а не у жены.

Жене в посольстве дали отпуск, и они посвятили встречи прогулкам. И вскоре, во время одной из таких прогулок по озерам близ Лугано Дзержинский видит Брюса Локкарта, профессионального британского разведчика. Дзержинский вроде бы на озере отплывал на лодке с семьей, когда Локкарт привыкал на палубу прогулочного пароходика.

Но Феликс же без бороды! И Локкарт, который еще недавно сидел под стражей в Москве у Дзержинского арестованый по делу о «заговоре трех послов» - хотя он никаким послом формально не был, его «не узнал»!

Про это сам «Железный Феликс» сообщает посольским и жене, что и нашло позднее отражение в мемуарах супруги.

По словам Софьи, Дзержинский ей еще добавил, будто Локкарта лично до прашивал после ареста.

Сам англичанин о таком допросе в мемуарах не упоминает, говорит только о беседах с Петерсоном. Если еще и Дзержинский на Лубянке с ним говорил - это особенно должно было Локкарту врезаться в память.

В любом случае, Локкарт и Дзержинский и до ареста дипломата общались. Они виделись на заседании ВЦИК, где мило беседовали весной 1918 года. Это подтверждено в мемуарах Локкарта «История изнутри. Мемуары британского агента».

Не так часто и не так близко, видимо, они общались, как с Львом Троцким. А Троцкий до определенного момента настолько благоволил британскому дипломату, что при переезде большевистского правительства из Петрограда в Москву взял Локкарта в свой вагон. Помог ему так с переездом. Интересно, что секретарша Троцкого, Елена Шелепина, вышла замуж впоследствии за подчиненного Локкарта, английского разведчи-

Феликс Дзержинский, Софья Дзержинская и Варлам Аванесов

Дзержинские в Швейцарии

Брюс Локкарт в 1914 году

ка, журналиста и писателя-сказочника, который выпустил сборник народных русских сказок «Сказки дедушки Петра», Артура Рэнсона, а затем вместе с ним уехала на Туманный Альбion...

Так что не узнал Локкарт Феликса на озере. А Дзержинский после этой нечаянной встречи заторопился домой, и вскоре уехал, оставил в Европе жену и сына.

Правда, задержался на несколько дней в Берлине, где у него не было никакой семьи.

Что в Швейцарии мог делать Локкарт? В ноябре он получил назначение - в британское посольство в Чехословакии. А при чем тут Лугано? Тоже потянуло отдохнуть... Сложно поверить.

Ну, и что же все это значит?

Отпускаем в такое горячее время руководителя тайной полиции страны с липовыми документами из ружей, в не очень дружелюбные страны - это надо было быть безумными! А большевики безумными не были. Сентиментальные чувства у Дзержинского, очевидно, отсутствовали. Семья - это прикрытие, легенда. Вероятно, речь шла о какой-то чрезвычайно конфиденциальной миссии, выполнить которую мог только Дзержинский.

Можно предположить, что приезжал Дзержинский в Лугано именно для новой встречи с Локкартом. А легенда про «не узнал» - видимо, на случай, если бы кто-то из своих или тем более не своих вдруг увидел бы их вместе. Ну да, вот мимо проходил. Не узнал. Тут помню, тут не помню.

Итак, самый лучший на тот момент специалист «Интелледжанс сервис» по России и глава ЧК решили тайно о чем-то пообщаться еще раз. Но вот о чём? Может быть, со временем из каких-то отрывковых британских архивов мы это узнаем. А может, и нет.

В ЧК же архивные материалы зачищили так, что концы найти невозможно. Генерал-лейтенант ФСБ, историк Александр Зданович сожалением писал, что в архиве органов госбезопасности «не сохранились» даже протоколы заседаний коллегии ВЧК почти за полгода - с 20 мая до 1 октября 1918 года. Вот нет, и все! Не говоря уж о многих других документах.

Локтарта в конце 1918 года в большевистской России заочно судили, признали «врагом трудящихся», стоящим вне закона в СССР. Мол, он и Ленина убить хотел, и мост какой-то взорвать, и интервенцию устроить. А это подразумевало смертный приговор. Но зачинщик приговор ему ничего не мешал и не грозил.

Локтарт и под арестом-то сидел странно до своей высылки - на Лубянке провел лишь пару дней, а потом находился под стражей в московском Кремле. К нему туда пускали с подарками его любовницу Муру Буберг - будущую спутницу Максима Горького и Герберта Уэллса. Подозревают сейчас, что она тоже работала на SIS.

Когда же пришло время Локтарту уезжать, то Петэрс настолько проникся к нему добрыми чувствами, что попросил передать письмо жене в Лондон. И Локтарт пишет, что, «как настоящий джентльмен», письмо, конечно же, передал.

О том, как боевые и уголовник Петэрс, будущий второй человек в ВЧК, родился с высшим британским слоем - надо отдельную историю писать. Кратко расскажу об этом ниже.

Итак, Локтарт навсегда покинул Россию, но с Феликсом Дзержинским, воз-

можно, контакты сохранил. И поддерживал? А напоследок еще одно совпадение, если это совпадение. Впоследствии именно Локтарт очень сильно способствовал карьере в британском разведоместе юного Кима Филиби, будущего знаменитого двойного агента, за что тот в своих мемуарах «дядю Брюса» поминает добрым словом.

Такая вот загогулина!

ПЕТЕРС

Загадкой для многих любителей истории является биография Якова Петэрса - одного из создателей и руководителей ВЧК. Формально он числился замом Дзержинского, но есть основания полагать, что он был ключевой фигурой в ВЧК.

Роль Дзержинского в ВЧК сомнительна. Очевидно, что Дзержинский никогда реальным руководителем не являлся, это подставное лицо. Дзержинского называли «светить физиономией», по-

скольку он считался пострадавшим от царизма, так как был одним из немногих большевиков, побывавших хоть и недолго на катогре.

Судя по всему, главной функцией полка было служить символом и прикрытием для настоящих профессионалов типа Петэрса. Пока в России орудовали латышские знатоки своего дела, Дзержинский отыскал в Швейцарии.

Одни вспоминают о нем с ненавистью, другие с восхищением. Сын латышского батрака мог породниться с Чернилем, стать лондонским банкиром, а в результате создал одну из сильнейших спецслужб мира.

Янис Петэрс в 1904 году вступил в Латышскую социал-демократическую рабочую партию, а после революции 1905-1907 годов эмигрировал, жил в Лондоне. В октябрьские дни 1917-го - член Петроградского ВРК. После Октябрьской революции - член коллегии и заместитель председателя ВЧК, председатель

Воспоминания Софии Дзержинской

С.ДЗЕРЖИНСКАЯ

В ГОДЫ ВЕЛИКИХ БОЕВ

Революционного трибунала. Участвовал в раскрытии заговора Локтарта-Рейли; один из руководителей ликвидации левозеровского мятежа 1918 года, вел следствие по делу покушавшейся на Ленина Фанни Каплан.

Раньше при него говорили - «верный ленинец», «пламенный революционер». Потом - «палач», «кровавый чекист».

Но давайте отбросим эмоции. У любого государства есть оружие - спецслужбы. Ангелы в них не работают, но хлесткие обвинения при тщательном изучении зачастую оказываются легендами.

Петэрс был одним из создателей ВЧК - главной спецслужбы советской России. К этой роли ни он, ни его товарищи никогда не готовились. Но очень быстро выяснилось - эти дилетанты и самоучки на пустом месте создали одну из сильнейших разведок и контрразведок мира.

...Как то туманный лондонский вечером 1931 года девятнадцатилетний студент Кембриджа Харольд Адриан Филип или для членов семьи - Ким, в очередной раз с интересом слушал воспоминания близкого друга отца, которого попросту называл «ядей Бобом» о жизни в России. Потом произнес:

- А хотел бы я там оказаться.

Дядя Боб или Роберт Брюс Локкарт, знаменитый разведчик и светский лев, улыбнулся:

- Да, в России я ходил по краю, мой мальчик. Это захватывало, но и утомляло. Я ведь ходил по земле, а они... карабкались к «лучезарной идее», в небеса! При таком кругом подъеме порой открывалась второе дыхание ума. Если бы наши разведчики сотрудничали, я бы нынешних аналитиков из Secret Service отправлял на практику к Петэрсу. Вот кто сумел бы сбыть с них академическую спесь.

О Петэрсе молодой Филип уже слышал. Но сегодня впервые циник Локкарт так живо, хотя и не без иронии, связал это имя со служением «лучезарной идеи», при котором открывается «второе дыхание ума»! Из уст сэра Роберта это произвело любопытный парадокс, заставившего задуматься... И забылось...

...За год до рождения Кима Филиби - 3 января 1911 года неподалеку от особняка его отца в лондонском Ист-Энде произошло событие, позже получившее название «Осада в Хаунсдич». Семьсот пятьдесят полицейских окружили дом номер 100 на Сидней-стрит. Вскоре лондонцы услышали звук ураганного огня. К дому начали стягиваться шотландские гвардейцы с пулепетами и артиллерией. Руководил боевыми действиями сам министр внутренних дел сэр Уинстон Черчилль.

Сотка продержалась несколько часов и к вечеру была превращена в пылающие руины. Пожарные обнаружили в них два трупа - Фрица Думниека и Яны Волта. Оба латыши.

Черчилль отдал приказ начать массовые аресты среди латышских социал-демократов и анархистов. Было объявлено, что они готовили ограбление ювелирного магазина, которое удалось предотвратить.

Арестовали сотни человек, но для показательного процесса были отобраны четверо и среди них двадцатипятилетний политэмигрант Ян Петэрс. Погиб-

Ян Петерс и Феликс Дзержинский

Окончание. Начало на с.15

ший Думник приходился ему двоюродным братом.

Следствие длилось почти полгода. Доказательства вплоть до макета этого самого ювелирного магазина, под который якобы велся подкоп из дома номер 100, были представлены с необыкновенной тщательностью - 655 страниц уголовного дела плодом показаний самого министра.

Но суд ничего не смог доказать.

Черчиль скрежетал зубами. К тому же его сильно изводила насмешками любимая кулина Клер Шеридан, посещавшая все заседания суда. Сэр Инстон, по ее мнению, на процессе выглядел достаточно жалко. Черчиль, в конце концов, не выдержал:

- Ты, детка, примитивно влюбилась в одного из этих юных жеребцов! Что ж, пусть твой лохматый «Карл Мoor» и не виновен на этот раз... Значит, еще будет виновен. Таких, как он, и могила не исправит.

Яна Петерса, Юрия Дубова, Петра Розена и Минну Гринстис обсодбили.

Розен позже вспоминал, как из толпы репортеров вышла тоненькая девушка и, «назвав себя, протянула руку Яну. Оба улыбнулись друг другу, точно были знакомы много лет».

Они начали встречаться. Клер Шеридан училась в лондонской Академии искусств, собираясь стать скульптором. У нее были интересные друзья - журналисты, художники, начинающие политики. На одной из вечеринок Клер заметила, что ее «Карл Мoor» внезапно потерял интерес к очередной политической дискуссии. Причиной тому стала подруга Клэр - совсем маленькая, тихая Мэй, doch лондонского банкира.

Через месяц Ян Петерс и Мэй Фримен стали мужем и женой.

Тогда в одном из частных писем банкир Фримен писал:

«Моя маленькая Мэйзи - супруга... Моя зять - террорист, анархист и коммунист - бежал из латышской тюрьмы, чтобы уходить в английскую по "делу на Хаунсдич". Боже, как ты допускаешь такое? Моя

дочь заявила, что они будут жить своим трудом и откажутся от прислуги».

Но уже через два года:

«В своем деле я всерьез подумываю о моем зяте. У парня бульдожья хватка. Если удастся до конца вправить ему мозги, которые, без сомнения, созданы для серьезного дела...»

Вправить мозги, обуржуазить зятя банкиру не удалось.

С континента все чаще налетали ветры перемен. Война выыхдалась, агонизировала. Англичане жестоко подавили ирландское восстание; его вождя Кейтсмана публично казнили.

«Когда у стен Тауэра трубач возвестил о начале казни и сотни ирландцев во-круг меня плакали и молились, я, словно увидел обращенный на меня взгляд сэра Роджера. «Посмотри, как я умею умирать, ты, кто когда-то называл себя революционером!» - сказал этот взгляд, - вспоминал Петерс. - Стыд за бездействие и тоска по родине - вот чего я больше не могу выносить».

1 мая 1917 года - последнее семейное фото на память: грустные глаза Мэй, улыбка четырехлетней дочки на руках у отца - папа обещал ей, что скоро они к нему приедут.

6 мая Петерс уже в Мурманске. Лето 1917-го - прифронтовая полоса, митинги, собрания латышских стрелков. 650 выступлений за 70 дней.

21 августа немцы взяли Ригу.

«Латвии нужна Европа, но Европе мы не нужны. Я твердо решил быть с Россией».

Эти слова, сказанные Петерсом американскому журналисту Джону Риду в 1917 году. Жена Рида Луизе, ставшая близким другом, он единственный раз в жизни пожаловался, что совершенно не представляет себе, как сможет работать в новом органе - Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. «7 декабря 1917 года на заседании Совнаркома, где встал вопрос о борьбе с контрреволюцией, были желающие возглавить Комиссию. Но Ленин назвал Дзержинского «пролетарским яобинцем». Феликс Эдмундович после заседания грустно заметил, что если он теперь Робеспьер,

Ян Петерс

то Петерс - Сен-Жюст, по-видимому. Но нам обним не до смеха. Вчера были на Горюховой. Дом бывшего градоначальника пустой, с выбитыми окнами. Нас двадцать три человека, включая машинисток и курьеров. Вся канцелярия в тощей папке Дзержинского; вся касса уменя в кармане кожаной куртки. С чего начать?»

«Пляской жизни и смерти» называл те дни председатель Чрезвычайной комиссии Дзержинский. Нужно ли снова говорить о том, сколько было пролито этой крови - в том числе и безвинной? Красные Робеспьеры и Сен-Жюсты были безжалостны к своим политическим противникам, но и сами пощады не ждали. Первый призыв ВЧК действительно верил: он сумеет так выстроить свою работу, что принцип справедливости и закона, как надежный фундамент, никогда и никем не будет поколеблен. Никто из них не готовился стать охранителем государства, вся предыдущая жизнь как раз была посвящена его разрушению. Но странным образом здесь, в западенном доме, в пламени войни и мятежей, в паутине заговоров, посреди разрухи и развали зарождалась одна из самых активных и искусных спецслужб XX века.

Среди тех, с кем столкнула тогда судьба чекиста Яна Петерса, был Роберт Брюс Локкарт. Среди тех, кому Локкарт потом рассказывал о Петерсе, был Ким Филиб, Член много лет выяснялся Ким Филиб, один из руководителей английской разведки, давно работает на разведку советской. Странно порой все в жизни закольцовывается.

...В 1919 году корреспондент лондонской газеты «Дейли экспресс» попросил миссис Петерс дать ему интервью, поведав, что ее муж, председатель Революционного трибунала, «проводит все свое время, подписывая приказы о казнях в ходе московского террора». Мэй отвечала твердо и с достоинством, показала письма из России. Статья об этой встрече была озаглавлена так: «Жена главаря террора. Московский начальный убийца в качестве идеального мужа».

Статья появилась 7 октября, а уже через два дня та же «Дейли экспресс» опи-

сывала последствия «белого» террора в Москве, количество жертв при взрыве в помещении Московского комитета партии большевиков, покушения на большевистских лидеров.

«Среди убитых и знаменитый красный террорист Ян Петерс». Еще через полгода, весной 1920-го, его снова объявили мертвым - «убит в Ростове денационациями».

Мэй тем летом получила брачное предложение - ее уже считали вдовой.

Ян Петерс не решилась на поездку к муку в пугающую ее Россию. Это сделала другая женщина - английская художница и скульптор Клер Шеридан. Осенью 1920 года она с трудом добравшись до большевистской Москвы. Позже кузина Черчилля напишет о своих посещениях дома 11 на Лубянке, о встречах с Дзержинским, скульптурный портрет которого лепили, с другими руководителями ВЧК и ВКП (б).

Клер ехала к человеку, которого продолжала любить. Но увидеться они смогли только весной 1921-го в Ташкенте. Петерс, чрезвычайный комиссар в Туркестанской республике, руководил операциями по борьбе с атаманами ворде Дугова и Анненкова, с басмачами, налагает планомерный отлов английских и французских шпионов. И одновременно подбирает и формирует первую советскую резидентуру для переброски в страны Антанты.

Здесь начинается совсем другая история и другая работа, далекая от трибун, пестролок и партийных дискуссий. Здесь появляется совсем не знакомый нам Петерс, который, по словам его друга Альксни (будущего командующего ВВС СССР), незадолго до смерти Дзержинского дал тому слово «никогда не выпускать из рук тех неизримых нитей, что защищают страну и хуже армий и укрепленных границ».

Член Центрального Комитета партии, председатель Партийной Контрольной комиссии Яков Петерс в тридцатые годы не подписывал секретных директив. Разработчики тайных операций лишь в редких случаях знали, чьи идеи они воплощают. Знали только Сталин и еще несколько человек.

Ян Петерс**Ян Петерс**

В комментариях к своим мемуарам Локкарт писал:

«Я всегда предупреждал - нельзя доверять людям, прибывшим из России, какие бы фамилии они ни носили, поскольку есть большая вероятность, что эти люди побывали в кабинетах Лубянки. Под гнетом обаяния их хозяев я сам едва не остался в Москве, чтобы начать жизнь идейного борца с мировым капитализмом».

И дальше:

«Я никогда не верил РОВСу. Старики там утратили боевой пыл, а их дети - сплошь агенты Петерса!».

Написано это было, когда агенты Петерса уже сделали свое дело.

РОВС - Российский общевоинский союз, имевший филиалы по всему миру, готовил диверсии против большевистской России. Уже с 1922 года в Европе стали появляться сыновья и родственники белогвардейских офицеров, руководителей союза, бежавшие из России к своим отцам. На молодых людей с громкими фамилиями сразу обращали благожелательное внимание иностранные спецслужбы.

Когда на Европу начала наползать тень фашизма, именно они составили основу, опору советской разведки, провели и подготовили ряд блестящих операций и, практически, все погибли в результате «поворотов слова в посудной лавке». Так с горечью оценивал Петерса происходившее в 1937 году.

Сталин внешне всегда прекрасно относился к Петерсу, говорил о нем как о «последнем романтике революционных боев». На XVI съезде, когда все громили Бухарина, Рыкова, Томского, простили ему «энергичное молчание» по поводу «правой опасности и настырное развитие идеи о контроле масс». Похоже, простили и большее - участие в «заговоре» Тухачевского.

Или не простили?

С гибелью Петерса особая история. В официальной справке, полученной второй женой Петерса Антониной Захаровой, которая умерла в 1986 году, после его реабилитации указана дата смерти - 1942 год. По другим документам - рас-

стрелян в 1938-м. Такое случалось - людей расстреливали раньше, чем сообщалось в справках об их смерти.

Однако...

В самом начале войны, в августе 1941 года, dochь Петерса Мэй - она приехала пятнадцатилетней в Россию в 1928 году и работала тогда в английском посольстве, рассказала Антонине Захаровне Петерс, что «один товарищ, не называвший себя», через жену сотрудника посольства просил передать ей такую фразу:

«Ваш отец жив и продолжает работать».

Что жив - на это надеялись все. Но «продолжает работать»... Петерс был арестован на глазах у сына и жены; она хорошо помнила, как один из производивших обыск раздавил каблуком сапога орден Красного Знамени Петерса.

Есть еще одно свидетельство также «не называвшего себя» товарища. Оно не подтверждается документально, потому сочтем эту историю лишь версией - хотя что-то мешает мне назвать ее сказкой.

...Поздним вечером одного из последних октябряских дней 1942 года самолет доставил из прифронтовой зоны тело убитого, судя по форме, старшего лейтенанта, голова и плечи которого были обернуты кожаной курткой. За них специально вылетали к фронту два сотрудника военной контрразведки. Тело было приказано отвезти на вскрытие. Начальник отдела, отдававший приказ, обронил:

«Ничему не удивляйтесь».

Перед вскрытием было произведено опознание, на которое приехал только один человек. При опознании присутствовали также врач и комиссар НКВД третьего ранга. Офицеры-контрразведчики, доставившие убитого в Москву, находились в соседнем помещении. Один из них и оставил это свидетельство, в котором фигурируют два имени - того, кто приехал на опознание, и того, кто лежал перед ним на анатомическом столе. Первого звали Сталин; второго - Петерс.

«Фантастические времена рождают фантастические легенды, но это творчество всегда точно, избирательно и спровоцировано, поскольку подготочено самой Историей» - писал Джон Рид.

Клэр Шеридан, двоюродная сестра Черчилля

Брюс Локкарт в 1920-е годы

Ким Филби

ДЛЯ ИНФОРМАЦИИ:

Клэр Шеридан - скульптор, писательница, политическая журналистка. Двоюродная сестра Сара Уинстона Черчилля. Дочь на Клэр Шеридан английская секретная служба рассекретила в прошлом году. Выяснилось, что, по данным англичан, Клэр Шеридан была агентом советской разведки, которой передавала содержание бесед со своим знаменитым родственником. В досье сказано, что по заданию советской разведки Шеридан работала в Константинополе и Алжире. Из перехваченных спецслужбами личных писем Шеридан выяснилось, что она ездила в нацистскую Германию и участвовала в собраниях, на которых председательствовал Гитлер. Была любовницей Испанца Бея, противодействовавшего политике Британии в Индии. В списке других ее любовников названы французские генералы и крупные политики. При этом сама Клэр утверждала, что помогала английской разведке собирать досье на советских лидеров, в частности на Льва Каменева.

Черчилль стыдился своей неуправляемой племянницы и не освободил ее от слежки спецслужб.

Роберт Брюс Локкарт - в 1918-м по-

следил Великобританию в советской России. Ключевая фигура антибольшевистского «заговора послов». Следствие по его делу вел Петерс. Выслан из страны. Вернувшись в Англию, Локкарт стал журналистом. С началом Второй мировой войны призван в департамент политической разведки британского МИДа. Локкарт, традиционно считавшийся в Советском Союзе олицетворением мирового империализма, поддерживал прекрасные личные отношения с советскими дипломатами, объективно многое сделал для укрепления англо-советских отношений и в России всегда относился с симпатией.

Ким Филби - советский суперразведчик, глава знаменитой «Кембриджской пятерки». Должность, которую он занимал перед тем, как попал под подозрение в 1951 году - представитель английской разведки при ЦРУ и ФБР в Вашингтоне. Она приравнивалась к должности заместителя начальника британской «Интеллидженс сервис». Его работа, по мнению руководства ЦРУ, привела к тому, что «все усилия западных разведок в период с 1944 по 1951 год были безрезультатными. Было бы лучше, если бы мы вообще ничего не делали». В 1963 году бежал в СССР, умер в Москве в 1988 году.